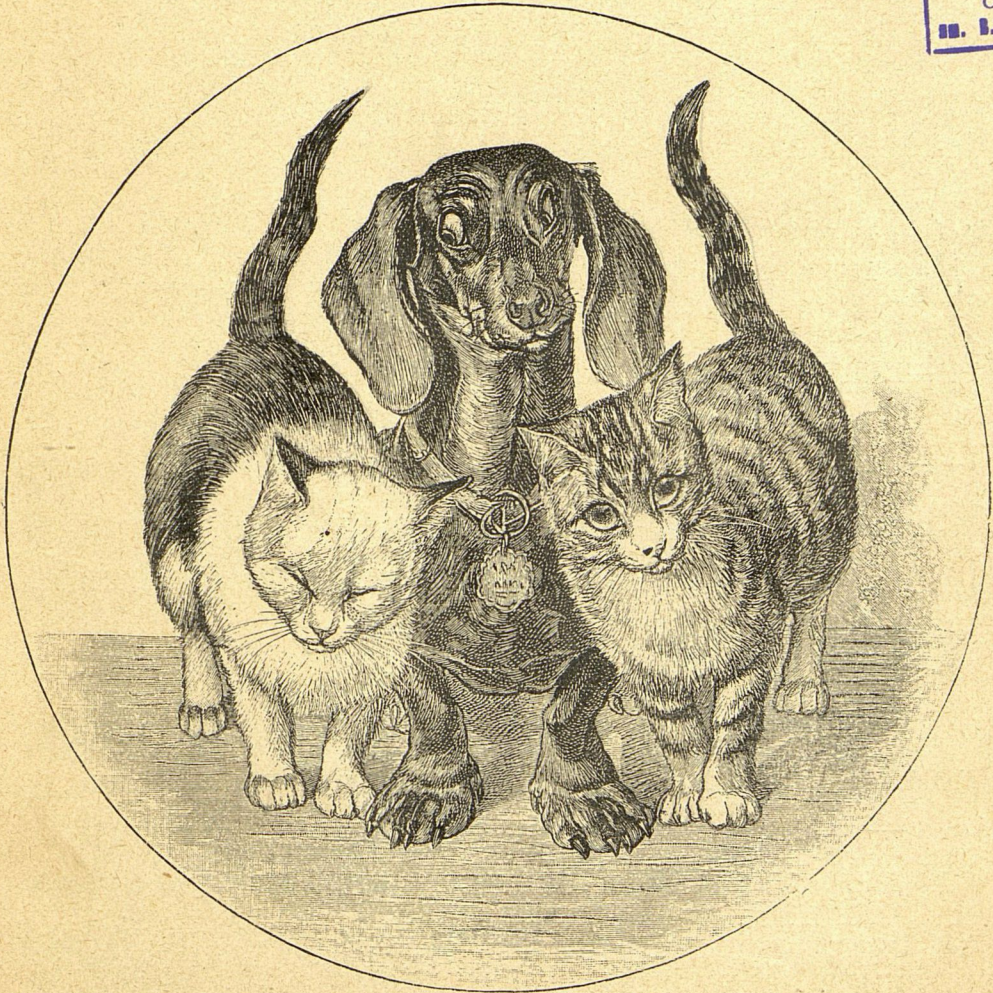

Свѣтлячокъ

1903 г. ◦ годъ II. ◦ № 15.

Государственная
Библиотека
С
им. В. И. Ленина

Честь имѣемъ представиться!..

У себя на дачѣ.

(ИЗЪ ЖИЗНИ ГРАЧЕЙ).

Ну, вотъ мы и опять въ Россіи,—сказаль толстый старый грачъ своей грачихѣ.

Грача звали Архипомъ Архиповичемъ, а грачиху Настасьей Петровной.

Они только-что возвратились изъ-за границы.

Въ Россіи, въ одной березовой рошѣ, у нихъ было свое гнѣздо, и они намѣревались опять поселиться въ немъ на лѣто...

Они обладали прекраснымъ зрѣніемъ и налету еще издали ясно различили вдали на самомъ горизонтѣ голубоватую полосу роши.

— Вонъ она, роша-то,—сказаль грачъ и, сдѣлавъ вдругъ нѣсколько сильныхъ взмаховъ крыльями, добавилъ:—Вонъ и старый дубъ на опушкѣ... Видишь?

— Вижу,—откликнулась грачиха,—но что это тамъ такое?.. Кра-кра!

Грачъ бросилъ на нее косою взглядъ и самъ тоже каркнулъ:

— Кра-кра!

Однако, въ голосѣ его слышалась нѣкоторая раздраженность...

— Чего ты?—спросилъ онъ ее.

— Гнѣздо вижу!—сказала грачиха.—Вонъ оно; неужели ты его не видишь?..

Она умолкла на минуту, пристально вглядываясь вдаль, и затѣмъ крикнула такъ громко, что грачъ даже вздрогнулъ:

— Конечно, это гнѣздо Ивана Ивановича!

Потомъ, пролетѣвъ еще нѣсколько десятковъ сажень, закричала снова:

— А вонъ гнѣздо Никанора Петровича... Гляди, гляди, Архипъ Архиповичъ! Видишь?..

Грачъ нѣкоторое время продолжалъ летѣть молча, затѣмъ проговорилъ, повернувшись къ грачихѣ:

— И вовсе не Никанора Петровича, а Василія Васильевича.

Грачиха ничего не возразила. Она знала по опыту, что съ грачомъ самое лучшее не спорить.

Въ совершенномъ молчаніи пролетѣли они около пяти верстѣ. Роща теперь стала еще виднѣе.

Грачиха не вытерпѣла и радостно каркнула: „Кра-кра!“ И сразу обогнала грача на полсажени.

Между тѣмъ начинало темнѣть. На свѣтлосинемъ небѣ смутно бѣлѣлъ серпъ мѣсяца.

Съ земли поднимался туманъ и заволакивалъ даль сѣрой дымкой...

— Летимъ, летимъ, — покрикивала грачиха, — а то, смотри, ночь недалеко, а намъ нужно засвѣтло добратся до дому...

— Успѣемъ еще, — отвѣчалъ ей грачъ. — Или устала?

Онъ поглядывалъ то на солнце, спускавшееся все ниже и ниже и точно утопавшее въ желтовато-красномъ свѣтѣ зари, то на рощу, окутанную дымкой тумана.

Роща была уже недалеко.

Вонъ старый, корявый дубъ на опушкѣ, вонъ кусты орѣшника... Лужа блеститъ между кустами... Кое-гдѣ бѣлѣютъ клочки снѣга. Еще нѣсколько взмаховъ крыльевъ, и наши путешественники тяжело опустились на верхушку дуба.

— Уфъ! — сказалъ грачъ.

— Уфъ! — повторила грачиха.

Затѣмъ они посмотрѣли вокругъ себя.

— Отдохнемъ тутъ, — сказалъ грачъ, — да и домой.

И, оглянувъ опять орѣшникъ, поднимавшіеся за нимъ голые стволы березъ, онъ добавилъ:

— Ну, вонъ, гляди, видишь — развѣ это не гнѣздо Василія Васильевича!

Грачиха посмотрѣла по тому направленію, куда смотрѣлъ онъ и, подумавъ немного, отвѣтила:

— Какъ-будто дѣйствительно оно...

— Какъ же! — воскликнулъ грачъ. — Ужъ я не ошибусь, будь покойна...

Тутъ онъ откашлялся и крикнулъ:

— Кра! Кра! Эй, Василій Васильевичъ!

Въ ту же минуту изъ гнѣзда высунулась большая, круглая, черная голова съ кривымъ, чернымъ же носомъ... Въ сумеркахъ Архипъ Архиповичъ очень плохо различилъ эту голову и во всякомъ случаѣ не могъ разглядѣть ее ясно... Но онъ уже теперь былъ вполне увѣренъ, что видитъ передъ собою своего прошлогодняго сосѣда по гнѣздамъ, грача Василія Васильевича...

— Кра!—радостно крикнулъ онъ. — Здравствуй, Василій Васильевичъ!

Онъ ожидалъ, конечно, что Василій Васильевичъ сейчасъ же отвѣтитъ ему такимъ же пріѣтствіемъ... Въмѣсто того изъ гнѣзда раздался весьма недовольный и совершенно незнакомый ему голосъ:

— Улетай-ка ты, грачь, отсюда, пока цѣль, а то я тебѣ такую трепку задамъ, что ты и не воображаешь!

Архипъ Архипычъ оторопѣлъ.

Во-первыхъ, онъ совсѣмъ не разсчитывалъ на такой пріемъ, а во-вторыхъ, въ голосѣ таинственнаго обитателя гнѣзда Василя Васильевича слышался сильный вороній выговоръ...

— А ты кто самъ-то?—крикнулъ Архипъ Архипычъ. — Зачѣмъ ты забрался въ чужое гнѣздо?..

Но въ эту минуту изъ гнѣзда вылетѣла огромнѣйшая ворона и яростно набросилась сперва на него, потомъ на грачиху...

Конечно, если бы Архипъ Архипычъ и его супруга не утомились за дорогу, они сумѣли бы постоять за себя, но въ данный моментъ Архипъ Архипычъ былъ слабѣе воробьенка.

Что же касается до его супруги, то, кажет-

ся, дунуть на нее какъ слѣдуетъ, и она такъ и хлопнулась бы на землю.

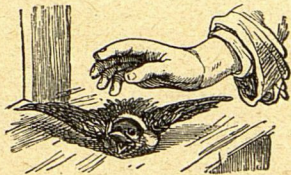
Однимъ словомъ, и Архипу Архиповичу, и Настасьѣ Петровнѣ послѣ первой же схватки съ вороной пришлось, какъ потомъ деликатно выражался Архипъ Архипычъ, „изъ наступленія перейти въ отступленіе“.

Правда, наступленіе-то было со стороны вороны, но мы простили Архипу Архиповичу эту маленькую неточность...

Да дѣло вовсе и не въ томъ... Дѣло было вотъ въ чемъ...

І. Любичъ-Кошуровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Мухоморъ и Боровикъ.

Разъ нарядный Мухоморъ
Съ ярко-краснымъ колпакомъ,
Гордо сидя подъ кустомъ,
Вызывалъ грибы на споръ:
— „Кто сравнится здѣсь со мной?!—
Онъ насмѣшливо кричитъ,—
Бѣлымъ бисеромъ расшить
Колпачокъ пурпурный мой,
Пожка—ландыша бѣлѣй...
И не счесть красоту моихъ!..
Посреди грибовъ другихъ
Я—король изъ королей!..
На кого ни погляжу,—
Поманю къ себѣ слегка—
Мошку, мушку иль жука—
Всѣхъ сейчасъ обворожу!“..
Вдругъ замѣтилъ Боровикъ:
— „Замолчи ты, Мухоморъ!
Ну, зачѣмъ ты мелешь вздоръ,
Подымая глупый крикъ?
Только мухъ прельстить твой видъ
Блескомъ ложной красоты,
Знаетъ цѣлый лѣсъ, что ты
Вреденъ, золь и ядовитъ!“

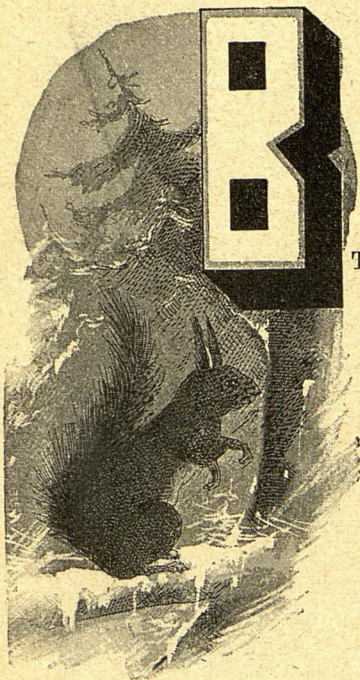
Галина.

А кошечка больна!..

Коропузъ Матти.

I.

Въ глуши Финляндіи, у подошвы высокой, лѣсистой горы стояла маленькая, ветхая хижинка... Въ прежнее время хижинка эта была хорошенькая, вся красенькая, крыта черепицей, окружена веселымъ садомъ и красивою изгородью.

А теперь — не то... Заборъ повалился, избушка покривилась, краска на ней побурѣла; крыша наполовину провалилась; весь садикъ былъ запущенъ. Некому за хижинкой смотрѣть, — вотъ бѣда въ чемъ!..

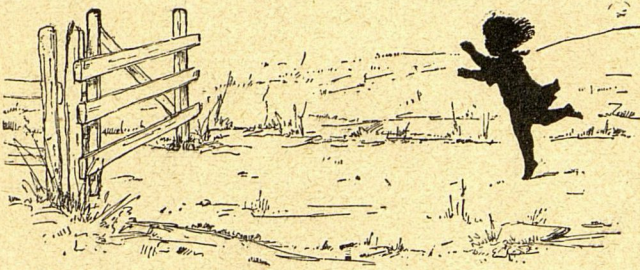
Жили-были здѣсь старый солдатъ, жена его, да внучекъ крошка Матти. Жили бѣдно. Старикъ плелъ сѣти рыбацкія, жена вязала щетки да вѣники, — тѣмъ и кормились. Да иной разъ добрые люди приносили имъ то хлѣба, то яицъ, то молока.

А прежде жили хорошо. Тогда былъ живъ сынъ старика съ женой. Два года назадъ они умерли, — съ тѣхъ поръ и стало старикамъ жить тяжело, голодно и тоскливо.

Одинъ крошка Матти только и утѣшалъ ихъ.

Славный былъ мальчуганъ. Щеки у него — румяныя, пухлыя, словно яблоки; глаза — голубые, какъ небо, а волосы — чистое золото. Мальчуга — хоть куда!

И все онъ, бывало, подъ окошкомъ сидитъ и смотритъ на дорогу, что мимо ихъ хижинки шла. Дорога была загорожена,

и бывало, какъ замѣтитъ Матти, что кто-нибудь ѣдетъ мимо,— бѣжитъ на улицу и отворяетъ калитку, а ему за то проѣзжіе даютъ по грошу.

А вечеромъ затопятъ очагъ: дѣдушка сѣти плететь, бабушка читаетъ вслухъ имъ, а Матти усядется съ котомъ Вулькой на полу и чешеть, и гладитъ его, а котъ, знай, мурлычетъ свою добрую, безконечную пѣсенку. И Матти, бывало, такъ

заслушается его, что ляжетъ тутъ же на полу и задремлетъ съ улыбкой на губахъ...

Бль Матти больше черный хлѣбъ, селедку да кислое молоко, — что-жь, и на томъ спасибо!.. Слава Богу, сытехонекъ!.. Онъ себѣ росъ да росъ помаленьку, не тужилъ ни о чемъ,— больше все улыбался, игралъ, бѣгалъ да еще умѣлъ стоять на головѣ на мягкой, густой травкѣ. Умѣлъ онъ и рыбу удить, и лошадь на водоной свести, и на снѣгу слѣды зайцевъ да волковъ различать; изъ двухъ-трехъ дощечекъ такія санки смастерить,—что мое почтеніе!.. А изъ шишекъ еловыхъ дѣлалъ коровъ и лошадей на удивленіе и потѣху всѣмъ.

Одна бѣда,—Матти не во что было одѣться. У него были только всего двѣ рубашки. Въ нихъ онъ лѣтомъ и бѣгалъ, а зимой ему нельзя было выйти на улицу.

Какъ-то разъ въ воскресенье погода была чудесная. Весело звонили церковные колокола, и много народу шло мимо ихъ хижины въ церковь,—всѣ разряженные, веселые.

— Бабушка,—сказалъ Матти,—пусти и меня съ ними!..

— Такъ-то такъ,—сказала бабушка,—да у тебя нѣтъ платя, и штанишекъ нѣтъ. Дала бы я тебѣ свою кофту, да ты въ ней будешь похожъ на дѣвочку!..

Матти вспыхнулъ и нахмурился.

— Я не дѣвочка, а мальчикъ!—угрюмо сказалъ онъ, отошелъ отъ окна, забился въ уголокъ да тамъ и сидѣлъ вплоть до обѣда!..

Но когда разъ въ деревню пріѣхалъ циркъ, и Матти узналъ, что тамъ показываютъ обезьянъ, слона, медвѣдей и клоуновъ,—онъ не выдержалъ.

— Бабушка,—сказалъ онъ,—давай свою кофту, все равно.

— Само собой, все равно,—сказала бабушка,—съ виду ты похожъ на дѣвочку, но ты можешь сказать, что ты мужчина.

— Конечно,—гордо произнесъ крошка Матти,—я такъ и буду всѣмъ говорить!..

Когда онъ въ кофтѣ вышелъ на улицу, его остановилъ прохожій и спросилъ:

— Милая дѣвочка, гдѣ дорога въ городъ?..

— Я не дѣвочка, я—мужикъ!—гордо сказалъ Матти, надуль губы и пошелъ дальше своей дорогой. Вскорѣ онъ уже былъ около цирка, гдѣ стояла большая толпа ребятишекъ.

— Смотрите,—крикнулъ вдругъ какой-то сорванецъ,—какъ Матти разрядился,—настоящая дѣвочка!.. У-у, дѣвчонка!..

И всѣ засмѣялись и стали дразнить бѣднаго мальчугана.

— Я не дѣвочка, а мужикъ! — сердито крикнулъ Матти во весь голосъ.

Но всѣ захохотали еще громче, а одинъ мальчикъ-сорванецъ подхватилъ его на руки, векинулъ на плечи и побѣжалъ съ нимъ по деревенской улицѣ, крича:

— Вотъ дѣвчонка! Матти разрядился дѣвчонкой!..

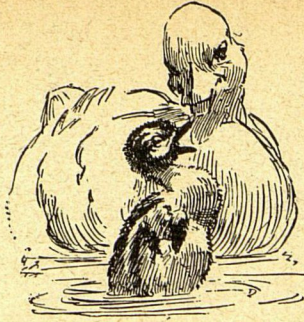
Матти кричалъ, Матти плакалъ, Матти рвался и дергалъ за волосы своего обидчика, но ничто не помогало. Наконецъ, онъ насилу вырвался отъ нихъ и бросился бѣжать домой. Тамъ онъ со стыдомъ забился въ свой темный уголокъ и все плакалъ, плакалъ и повторялъ:

— Я не дѣвочка, а мужикъ... настоящій мужикъ. И я докажу имъ это!..

И онъ, точно, доказалъ это очень скоро.

Съ нѣмецкаго А.

(До слѣдующей книжки).

ДРУГЪ ДРУГУ ПОМОГАЙ.

(Изъ жизни животныхъ по А. Фулье).

Но озеру мирно плавало стадо утокъ. Отъ нечего дѣлать сидѣвшій на берегу человекъ сталъ бросать въ это стадо камни и однимъ изъ нихъ оглушилъ одну утку такъ, что она погрузилась въ воду головой. Остальныя утки вмѣсто того, чтобы разлетѣться по обыкновенію въ разныя стороны, окружили раненую товарку и принялись ей помогать, дѣйствуя крыльями и лапами. Можно было бы свободно перебить всѣхъ камнями, но нельзя было ихъ заставить покинуть погибавшую товарку.

Одинъ французскій ученый нашелъ гнѣздо синицы, гдѣ было одиннадцать птенцовъ. Дождавшись, когда птенцы оперились, онъ вынулъ ихъ изъ гнѣзда и помѣстилъ въ клѣтку недалеко отъ бывшаго гнѣзда. Едва онъ отошелъ, какъ на крикъ птенцовъ явились не только родители, но и постороннія птицы, принося въ клювахъ гусеницъ и мошекъ. Послѣ клѣтка была переставлена еще дальше отъ гнѣзда, такъ что родители птенцовъ потеряли ихъ изъ вида. Но жалобный пискъ малютокъ привлекъ вниманіе чужихъ синицъ, которыя поочередно стали приносить малюткамъ пищу и все время, пока они росли, кормили ихъ.

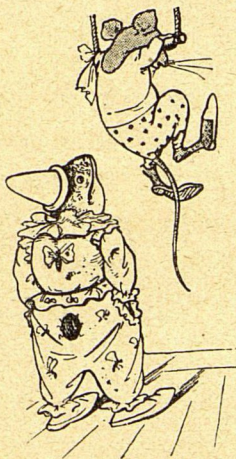
А. Т.

Потѣшныя странички.

Мышки въ циркѣ собрались
Разъ на представленьѣ...
Вотъ огни уже зажглись
Всѣмъ на удивленьѣ...
Чу!.. ужъ музыка... Всѣ ждутъ,—
Вотъ и акробаты,
Мышь съ лягушкою идутъ,—
То-то съ виду хваты!..

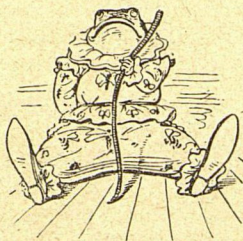
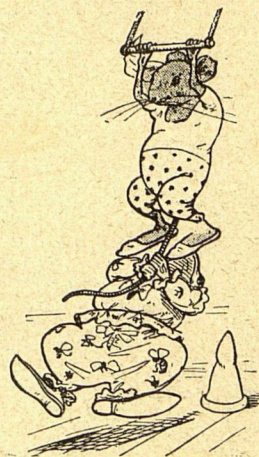
На трапецію ползеть
Мышь и ну качаться,—
„Какъ она не упадетъ!..
Право, ловко, братцы“...

Лягушонокъ, видно, простъ,
Лапками проворно
Вдругъ товарища за хвостъ—
Цапъ!..—прошу покорно...

И, конечно, оборвалъ
Хвостъ неосторожно...
Всѣ какъ вскрикнуть:—„О!
скандалъ,—
Развѣ такъ возможно!..“
Но кричить мышонокъ мой:
—„Господа, довольно!..
„Хвостикъ былъ мой привязной,
„Мнѣ совсѣмъ не больно!..“

И пошелъ по цирку гуль,
Всякій шутку ужъ смекнулъ,
Всѣ довольны были,
И про шутку здѣсь и тамъ,
По кустамъ и по угламъ
Долго говорили...

Дор.

„МОЯ ДЪВОЧКА“.